

Виктор Венцель

И пришел жнец

В когтях у

Сказки

Часть третья

16+

Виктор Венцель

И пришел жнец. В когтях у сказки

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Венцель В. Д.

И пришел жнец. В когтях у сказки / В. Д. Венцель — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-98639-8

«В когтях у сказки» - третья история цикла «И пришел жнец», повествующая о приключениях церковного умертвителя Кайетана Эйнарда, в силу своей мрачной профессии исполняющего роль самой смерти. В темной вселенной магии и волшебства, где бушуют кровопролитные войны, скалят клыки невероятные чудовища и гремят раскаты заклинаний, больше не осталось Богов, чтобы уравновешивать мертвое и живое, а все небесное могущество теперь разделено между людьми. Сможет ли человечество справиться с возложенной на него ношей, или абсолютная власть приведет новый мир к катастрофе? Узаконенному убийце, отправленному Церковью на очередной сбор кровавой жатвы, придется ответить на этот вопрос, ведь равновесие может оказаться слишком хрупким.

ISBN 978-5-532-98639-8

© Венцель В. Д., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	18
5	21
6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Венцель

И пришел жнец. В когтях у сказки

*«...Кто воскрес из стылой тверди,
И омыт росой?
Это жнец, помощник смерти
С ржавою косой.
Он идет без передышек
В звоне бубенцов,
Чтобы сделать из детишек
Новых мертвецов.
Он не слышит и не верит,
Пишет номера.
Жнец стучится в наши двери:
Подыхать пора!»*

Детская считалка из цикла «Церковь, Жнец и Общество»

1

Итак, было жарко. Нестерпимо жарко. Настолько жарко, что, казалось, солнце сошло с ума, желая превратить тихий летний день в настоящее пекло, а зеленеющие луга, простирающиеся изумрудной полосой под лазурным голубым небом, в безжизненную пустыню. В такую погоду неплохо бы отдыхать в купальнях с бокалом вина, или сидеть у пруда, наслаждаясь прохладой, в тени какого-нибудь дерева, а не топтать по разбитой сельской дороге, прикрывая ладонью глаза и лицо от палящего света. Иначе говоря, хорошо было бы оказаться вдали от всего этого солнечного безмолвия, где нет такой жары, а есть покой и тень и ветер. Где-нибудь в Эрмивальде, Морольфе или Бранальске, с его туманами и теплыми дождями. Но об этом приходилось только мечтать. Тени было, как назло, слишком мало, солнца слишком много, а про существование ветра не приходилось даже и вспоминать: воздух можно было резать ножом, а на раскаленных камнях устроить небольшую камеру пыток. Однако, выбора у меня не было. Аинардское лето являло себя во всей красе.

Я шел по проселочной дороге вот уже второй час, проклиная всеми известными мне способами нерадивого истеричного извозчика, посчитавшего слишком большим риском пересекать пограничную заставу без надлежащих доверительных грамот. Он пререкался со мною весь путь из Эрмивальда, не смотря на мое уверение, что с документами жнеца, его пропустят даже на небеса, не то, что через пост напыщенных солдафонов, беспрестанно дующих пиво и считающих деньги, безбожно содранные с немногочисленных путников за право прохода, но так и не согласился. Он остановил экипаж еще на подступах к заставе, и не двинулся с места, даже не смотря на угрозы или подкуп, к которым я тщетно прибегал. Как я понял позднее, у него были изрядные проблемы с Пылью Пустоты – наркотическим зельем, которое варят из магических дистиллятов и вытяжкой из некоторых грибов и растений. Слабый, едва ощутимый специфический запах наркотика я уловил еще в экипаже, а нервозность и истеричность извозчика только подтвердила мои догадки. Ему бы несладко пришлось, окажись он в руках местных органов самоуправления, даже с документами Церкви, так что он оставался непреклонен. С началом войны найти заслуживающий доверия экипаж стало непросто даже в больших городах, затем, спустя год, крайне тяжело, теперь же – невероятно трудно. Многие извозчики оставили свое ремесло, опасаясь шаек бандитов и мародеров, что расползлись по лесам и полям Аинарде, многие не желали встречаться с отрядами солдат и рыцарей, что патрулировали каждый более-менее значимый тракт, некоторые опасались неуспокоенных, до которых еще не успели добраться жнецы, а остальные требовали за свои услуги такие баснословные деньги, что на них можно было купить лошадь, со всей новой сбруей. Мне же повезло встретить такого извозчика, который оставил меня по дороге на половине пути от Эрмивальда до Ростальфа. Архонты проводили большой сбор слуг Церкви Равновесия, отозвав своих людей даже с жатв и заказов, что говорило о невероятной значимости и срочности грядущего мероприятия. Не смотря на то, что Ростальф находился у черта на рогах, ни в одной сотне лиг от более-менее крупного города, у меня оставалась в запасе еще неделя свободного времени, так что в особой спешке не было никакой надобности. Я выбрал путь через имперский тракт, напрямик через Шепчущие поля и отправился по дороге Нижнего спуска, оставив позади Эрмивальд и Грессор, за что в результате жестоко поплатился. Теперь мне оставалось только упрямо шагать вперед, по камням и пыли, проклиная последними словами жадного и наглого кучера, чье имя, как мне хотелось верить, обязательно скоро попадет в мой список Жатвы.

Солнце стояло в зените. Солнце жгло немилосердно. Дышать было тяжело, рубаха из легкой ткани казалась тяжелее кольчуги, наплечная сумка натирала плечо, оттягивал пояс меч на боку, лишним грузом болтался церковный серп, высокие ботинки покрылись толстым слоем пыли. Если в мире в эти минуты и существовал более нелепый или более несчастный жнец, чем

я, я бы с радостью посмотрел на него, но таких людей, судя по всему, не находилось. Я миновал очередной поворот дороги, прошелся по кустикам выгоревшей травы, жесткой как проволока, бросил взгляд на указатель у обочины, приложив ладонь к глазам. Сообщение, написанное на листке выцветшей бумаги, прибитой к деревянной стрелке, указывающей направление, гласило: «Поселение Высокий Вингард. Четыре лиги. Вниманию путешественников! Вход воспрещен северянам, беженцам, нищим, попрошайкам, прокаженным и чародеям. Эликсиры, зелья и мази не предлагать. Причина сего нетерпения...» Дальше доска была обломана, письмо оборвано, а в слово «мази» кто-то подписал «р», после первой буквы. На этом послание обрывалось, оставив в неведении, чем все перечисленные не угодили жителям Вингарда. Я сплюнул в сторону, прикинул расстояние до деревни, кивнул сам себе головой. Высокий Вингард был мне знаком еще с давних времен одной из первых моих Жатв, тем более, что ни под одну из вышеупомянутых категорий, которым вход был строго запрещен, я не попадал. Здравый смысл стремительно брал верх над смутным стремлением продолжить путь до Ростальфа. В любом случае, у меня еще остается семь с половиной дней, чтобы преодолеть остаток дороги, а небольшой отдых мог пойти только на пользу. Я поправил меч у пояса и сумку на плече, и отправился вперед, доверившись направлению, что указывала деревянная стрелка. Четыре лиги? За час управлюсь, даже по такому пеклу.

Было невероятно жарко. Над полями властвовала тишина. В звенящем воздухе нестерпимо приторно пахло дикими цветами и полынью.

2

Около высокого частокола, окольцовывающего небольшую деревеньку, стоял торговый дилижанс, валялись деревянные ящики, слышались ругательства и крики, суетились рабочие, звенели и грохотали кузнечные молоты. Одна из телег была опрокинута на бок, из железных креплений торчала переломленная ось, как гордый цветок, старое колесо покоилось в стороне, а все содержимое повозки из тюков и мешков, было разбросано поодаль, отчетливо давая понять, что авария произошла совсем недавно. Трое угрюмых представителей народной милиции с копьями и вилами, отсутствующим взглядом наблюдали за работой пяти грузчиков и двух мастеров, тщетно пытавшихся исправить сложившуюся ситуацию. Безразличию и холодности местного ополчения могли позавидовать даже скалистые утесы.

Рабочие бесцельно бегали вокруг места трагедии, волокли к воротам мешки и ящики, пытались вправить сломанную ось и приладить отлетевшее колесо, но выходило это у них из рук вон плохо. Кто-то ругался, кто-то злобно шипел, а кто-то ревел во всю глотку.

Немного в стороне от всего происходящего у городских ворот, стоял высокий кряжистый мужчина с усами, бородой и сверкающей на солнце лысиной, чье лицо одновременно сочетало в себе ярость, тоску, боль и уныние. Ревел во всю глотку именно он, потрясая кулаками и размахивая осколком стекла, коими была усыпана вся близлежащая дорога.

– Холера! Да куда ты тянешь этот мешок! Ты же видишь, что там уже ничего не осталось, кроме осколков? Положи его на место! Да не швыряй! Иди, помоги вон тому кретину вставить ось! Да не швыряй ты так, этот ящик стоит дороже, чем твоя шкура! Теперь ты, идиот, кто так работает молотком? Кто, я тебя спрашиваю? Ты можешь забить гвоздь, или даже на это у тебя ума не хватает? Ты хоть представляешь себе, сколько денег я вложил в этот товар, а? Конечно не представляешь! Ты же идиот! Вы, двое пьянчуг, таскайте ящики за ворота. Нечего здесь строить рожи! Я еще месяц назад сказал выровнять дорогу на подъезде к Вингарду! Тебе, именно тебе, тупица, я приказал выкорчевать все камни и выровнять ямы. Какого лешего ты ничего не сделал? Эй! Эй, ты, справа! А ну положи на место эту статуэтку! Я видел, как ты спрятал ее в карман! Живо клади назад, иначе прикажу отрубить тебе твои воровские ручонки! Мор и проказа, да что за идиотов мне дали в помощники!..

Голос Артаса Бейвера невозможно было перепутать или забыть. Некогда обнищавший рыцарь, заядлый игрок в рифрод, спустивший все свое состояние на игорных столах всех окрестных городов, а ныне преуспевающий купец, в распоряжении которого находились несколько крупных бакалейных лавок и солидный банковский счет, Артас производил впечатление импульсивного амбициозного человека со скверным нравом и дурным характером, мгновенно переходящим от шутки к гневу. С ним мне довелось познакомиться довольно давно, во время одного непростого заказа на орду шатунов из близлежащих топей. После этого наши пути пересекались еще пару-тройку раз в более мирное время, где нам вместе пришлось выбираться из различных передряг, после которых расстались мы хорошими приятелями. Хотелось верить, что Артас считает так же, но учитывая его тяжелый характер, уверенности в этом у меня небыло. Я неспешно спускался с холма, с интересом наблюдая за картиной разыгравшегося у деревенских ворот поселения. Артас пока что выходил из словесной перепалки бесспорным победителем. Он ожесточенно размахивал осколком драгоценной вазы, как мне удалось разобрать среди проклятий, ругательств и приказов, абсолютно не обращая внимания на происходящее вокруг. Стража же, заметила меня еще издали, встретив недовольными настроенными взглядами и холодным молчанием. Хотя молчали они, судя по всему, всегда и в любом случае.

– Привет, Артас.

– А? Кого еще принесло?.. Ох, чтоб меня шатун сожрал, Кайетан Эйнард собственной бледной персоной! Вот это сюрприз! А я – то думаю, откуда это потянуло ладаном? – рукопожатие Артаса напоминало кузнечные тиски, а дружеским ударом по плечу, можно было переломать пару-тройку костей, – Не ожидал тебя здесь увидеть!

– Я и сам не рассчитывал здесь появляться. Вынудили обстоятельства.

– Да плевать я хотел на обстоятельства, Кай! Причину твоего появления обсудим потом. Надеюсь, не новая Жатва у нас? Видимо, у тебя есть для этого веские причины, ведь не просто же так ты приехал проведать старого приятеля? Раз ты оказался в Вингарде, то обязан задержаться у меня в гостях хотя бы на денек! Выглядишь ты, после дороги, скажу честно – пре-скверно. Видимо жатва выдалась нелегкая, да? Отдохнешь, попируем, выпьем, расскажешь, что нового творится в мире. Только после того, как я закончу с делами, – купец с унылым видом обвел рукою картину произошедшей трагедии.

– Авария? Как это произошло? Большие убытки?

Артас стал мрачнее грозовой тучи. Его затянувшееся молчание не предвещало ничего хорошего.

– Большие ли убытки? Убытки настолько большие, что даже если я продам всю эту завалящую деревеньку, с ее жителями-истуканами, это мне расходов не покроет даже наполовину. Понимаешь в чем дело, Кай, я ожидал доставку кое-какого товара, который рассчитывал благополучно спихнуть на окрестных рынках и в столичных городах. Кривые руки извозчика, дрянная телега, ухабистая дорога, идиоты-рабочие, вот и все планы коту под хвост.

– Действительно, это печально. Будь я купцом, как ты, наверное, проникся бы твоей проблемой, как никто другой.

– Что толку теперь-то слезы лить, – злобно фыркнул Артас, искоса взглянув на лениво ковыляющих грузчиков, которых проблемы хозяина волновали не больше, чем стражей ворот. – Так о чем это я? Остановливайся у меня, Кай. Посмотришь, как я устроился, может быть, выберемся на охоту...

– Охоту? Ну, уж нет, хватит отдыха и выпивки.

– Это мы еще посмотрим. Послушай, Кай... ах, ты задница ослиная! – следующие слова предназначались уже для одного из рабочих, выронившего на дорогу тяжело груженный деревянный ящик. Ящик подпрыгнул в пыли, накренился на бок, затрещал, перевернулся. Внутри что-то предательски зазвенело.

– Алманский фарфор, – сморщился Артас, – Это целая партия алманского фарфора...

– Была целая партия, – поправил я осторожно, наблюдая за тем, как сбитые с толку и загнанные в угол рабочие растаскивают осколки в стороны, – Очень жаль.

– А уж как мне жаль, – помрачнел купец, – Ну, хоть с грузом стекла из Герга ничего не случилось...

В тот же самый момент, пронзительный звон, раздавшийся из очередного ящика, под ногами запнувшегося рабочего, отчетливо дал понять, что с грузом стекла из Герга тоже не все в порядке. Вернее сказать, все не в порядке, если судить по побелевшему лицу Артаса.

– Я придушу их, – сказал он просто, дрогнувшим голосом, – Придушу каждого из этих идиотов, а потом, пусть меня судят все трибуналы мира.

– Перестань. Я, конечно, понимаю, что авария с телегой и переломившейся осью трагична, но ведь должно было хоть что-то уцелеть?

Артас перевел дух, взял себя в руки, нервно кивнул в ответ.

– Конечно. Например, слезный хрусталь из шахт на юге. Самый дорогой товар, который только можно достать на этой части побережья. Три ящика. На счастье, они оказались на самом дне телеги, и не должны были пострадать.

В эту секунду, в разговор вклинился один из рабочих, волочивший по земле очередной, забитый под завязку гигантский мешок со странной символикой.

– Господин Бейвер, спешу сообщить, – начал он, почти шепотом, опасаясь разгневать и без того разъяренного купца, – Тот хрусталь, что вы заказали в шахтах... На него упал набор древних доспехов из Дома-на-болоте, когда телега перевернулась. Ящики с хрусталем всмятку. Мы отволокли их на свалку.

Артас стал бледнее мела. Наверное, так не меняется человек даже в тех случаях, когда ему оглашают смертный приговор. Я забеспокоился, уж не хватил ли его удар, но Артас выдержал. Если бы взглядом можно было испепелять, то рабочий, в тот же миг, обратился бы горсткой пепла.

– Исчезни, – выдохнул Артас несчастному подчиненному, который тот час поспешил исполнить приказ, – Исчезни с моих глаз, чтобы я тебя никогда больше не видел.

Артас прикрыл глаза, глубоко вздохнул, обернулся ко мне.

– За что? За что мне все это, а?

– Профессиональные издержки. Это рынок, здесь день на день не приходится. Не бери в голову.

– Не бери в голову? – рявкнул ошеломленный купец, пошатнувшись, – Тысячи золотых грифонов, сотни драгоценных товаров, месяцы потерянного времени? Это мне не брать в голову? Вот холера... – вздохнул он, но уже спокойнее, – Ступай в Вингард, Кай, – посоветовал Артас, едва сдерживая рвущуюся ярость. Собой он всегда владел скверно, – Дождись меня дома, ты же помнишь, где я живу? Маррис будет рада твоему приходу. Я приду немного попозже, как сам понимаешь. Надо разобраться с телегой, спасти из товара то, что спасти еще возможно и оторвать голову кучеру и нескольким рабочим. Много времени это не займет. Ты не против?

– Ты здесь хозяин, Артас, – пожал плечами я, – Поэтому, прислушиваюсь к твоему слову.

– Вот и отлично, – закончил диалог Артас совсем уж мертвым голосом, – Ты принял мудрое решение на свое же счастье, чем избавил себя от скверного зрелища и потерянного времени. Теперь ступай. Не хочу показаться невежливым или негостеприимным, но сейчас, мне точно не до дружеских разговоров. Ступай в Вингард, Кай. Только без обид.

3

Высокий Вингард был небольшим поселением, выстроенным на целой гряде невысоких холмов, в окружении бесконечного моря полей, лугов и переплетений разномастных дорог, серпантинном опутывающих его со всех сторон. Когда-то здесь жили ремесленники и купцы, но по прошествии некоторого времени, когда Аинарде в очередной раз рвали на части гражданские войны и междоусобицы, поселение почти опустело, открыв дорогу новым жителям из всех возможных сословий. На поселке это отразилось скверно. Денежный поток иссяк. Долгое время Вингард был почти заброшен, его старательно вычеркивали из всех карт и летописей, резонно рассудив, что поселение стало историей, но затем за дело взялась местная аристократия, решив, что из этого зеленого клочка земли еще можно получить некоторую пользу и прибыль. Вингард был отстроен, дома возведены заново, поля вокруг вспаханы и засеяны. Поселение заиграло новыми красками, преобразилось и, словно очнулось от многолетнего сна.

Вингард полюбился многим из торговых и ремесленных сословий, так что история его возвращалась на круги своя. Старый поселок оживал. Народ здесь был добродушным и открытым, хотя и несколько суеверным, природа радовала глаз зелеными просторами, а удачная изоляция от больших городов и главных трактов оберегала от разбойников и мародеров, в которых и в мирное время недостатка не было. Это послужило причиной того, что именно здесь остановил свой выбор Артас, подбирая место для себя, своей супруги Маррис и дочери Эвы. Расположение поселка было подходящим для ведения рыночных дел, а дорожная развязка позволяла отправлять и встречать караваны почти со всех уголков этого побережья Моря Слез. Жизнь здесь текла тихо и размеренно.

Не смотря на суеверность местных, жнецов здесь, кажется, чтили и уважали, что немало порадовало и удивило меня, хотя никаких значимых событий в истории Ордена и Церкви, с Вингардом связно не было. Думается мне, отцы Церкви, и вовсе, понятия не имели об этом крошечном поселении, но здесь о Церкви не забывали ни на миг. В открытую на меня не тарасились, за спиной, кажется, не перешептывались, а это было уже что-то. Обычно, визит жнецов вызывает гораздо больший интерес и панику. Стражи у ворот поселения тщательно проверили мои бумаги, вежливо поинтересовались, не прислан ли я в Вингард для Жатвы и, получив отрицательный ответ, раскланялись и распахнули двери. Новые лица в таком крохотном поселении всегда привлекают к себе излишне много внимания, но здесь на меня смотрели как на равного, приветствовали радушно, отвечали на вопросы просто и открыто. В то время, когда поселенцы чтили и уважали представителей Церкви, или только делали вид, что чтили, дети, гурьба которых сновала по узким утоптаным улочкам, убегали при моем появлении, куда глаза глядят. Наверняка, наслушались от старожилков сказок о кровожадных жнецах, или баек, про святых убийц, собирающих свою страшную дань каждый месяц в любом городе. Дети любят все приукрашивать и преувеличивать, поэтому максимализм в отношении людей моей профессии, не казался чем-то яз ряда вон выходящим и я не предал этому никакого значения. Если в этой части Аинарде было более спокойное и тихое место, чем Высокий Вингард, то им могло быть только какое-нибудь заброшенное кладбище. Вингард почти не касался внешнего мира, а внешний мир почти не пачкал его своими сплетнями и новостями, что, несомненно, шло поселку на пользу.

Дом Артаса находился в самом сердце поселения, возвышаясь над Вингардом, с центрального пологого холма. Выстроен он был из деревянного бруса, имел два просторных этажа, широкие окна с резными ставнями, двухскатную высокую крышу, обширный зеленый двор и невысокий кованый забор, в форме переплетающихся стеблей сказочных цветов. Во дворе имения пышно цвел красочный сад, где-то журчал невидимый ручеек, лениво поворачивался флюгер на крыше в душном тяжелом воздухе. Двери в дом украшала затейливая резьба, а

ровно по ее центру виднелось громадное железное кольцо, изображавшая оскаленную волчью пасть. Стук металла о дерево гулко отдавался в тишине знойного дня.

Маррис, изящная и утонченная супруга Артаса, полная противоположность своего грубого и вспыльчивого мужа, встретила меня радушно, как долгожданного гостя, засыпала вопросами о внешнем мире, войне с северянами и моих делах, которые могли привести жнеца в Вингард. Ее интерес довольно просто объяснялся тем, что Маррис ждала ребенка, поэтому поселение покидала крайне редко. Однообразная спокойная жизнь, даже в таком добродушном месте, как это, любого бы вогнала в скуку, так что Маррис не стала исключением. Новые люди здесь появлялись крайне редко, поэтому приход каждого был настоящим событием. Маррис вела меня по комнатам и коридорам, болтая без умолку на едва уловимые темы, сделав мне знак сохранять молчание возле одной из дверей в дальнем конце большого зала. «Эва спит, – пояснила она, когда мы отделились от покоев, – Наша с Артасом малышка приболела, поэтому, мы стараемся не шуметь около ее дверей. Сон – лучшее лекарство, верно?» Я подтвердил, что шуметь не стану, и мы отправились вглубь особняка. Известие о болезни дочери омрачило настроение хозяйки дома, но она справилась с собой довольно быстро. Скоро Маррис нашла новую тему для разговора, обсуждая цены на шелк и ситец, а пока она самозабвенно щебетала о волнительных событиях, которые происходят за границей их маленького поселения на холмах, я успел оглядеть дом, в котором оказался и отметить про себя, что дела Артаса идут в гору, если судить об этом по стоимости безделушек и украшений, которые были на стенах, полках, и даже на потолке. Вазы и урны из звездного стекла, тончайшей работы фарфоровые статуэтки, привезенные из далеких земель, любопытные картины и гобелены, фолианты и гримуары в тяжелых обложках из кожи и металла. Состояние Артаса могло составить немалую конкуренцию финансовому состоянию местной аристократии, случись ей оказаться в этих краях. Невдалеке от входа, висели ряды детских рисунков, выполненных робко и несмело. Творения дочери Артаса Эвы, были исполнены на драгоценной гербовой бумаге баснословно дорогими разноцветными красками. Такими красками позволяют себе работать только именитые художники, а никак не маленькие дети. Видимо, богатство и сумасбродство Артаса я слишком недооценил. Рисунков было не меньше дюжины. Наивные картинки, полные невероятных животных и дивных цветов. Эва рисовала неумело, но старательно. Карикатурное изображение солнечной полянки, домиков, любопытные наброски, но не стоившие ни медяка на рынке искусств. Я смог разобрать не больше половины, пока проходил мимо. Дальше шли ряды картин и скульптур куда более именитых мастеров. Живопись и скульптуры виднелись ровным строем по бокам просторного коридора. Я успел выхватить взглядом пару-тройку известных мне картин, но подходить и разглядывать все творения совсем небыло времени. Дом Артаса все больше напоминал настоящую галерею роскоши или музей богатства. Каким-то непостижимым образом, моему другу, и правда, нравилось все это разноцветное аляпистое великолепие. Я размышлял об этом, пока мы пересекали широкий залитый светом холл. Маррис, меж тем, увещевала о прохладных напитках и отдыхе, неспешно следуя впереди меня по шикарным залам особняка. Будучи уставшим и вымотанным, я отвечал вежливо и односложно, что совсем не располагало к долгой неспешной беседе, поэтому девушка вскоре оставила расспросы, препроводив меня в одну из многочисленных комнат, полных тишины и света, пожелала мне чувствовать себя, как дома, и неслышно удалилась, чему я был немало рад. Артас должен был появиться еще не скоро, так что у меня в запасе еще было немного времени. Тяжелый жаркий день и утомительная дорога окончательно вымотали меня и лишили сил.

Я скинул свои вещи, бросил у стены сумку с печатями и ножны, отстегнул серп, отправив его на пол, вместе с ремнем, утомленно вздохнул, исследуя предоставленные мне апартаменты. В одной из комнат мне удалось наткнуться на огромную жестяную ванну, что говорило в пользу моих раздумий о финансовом положении Артаса, в другой – на целый ряд солей и ароматических масел, привезенных из самых дальних уголков континента. Жил Артас, как король, а

короли ни в чем себе не отказывают. Видеть такое в простом доме, а не в купальнях, во дворце, мне еще не приходилось. Воспользовавшись приглашением, я принял ванну, заботливо наполненную прохладной водой, с наслаждением смывая с себя усталость и дорожную пыль, а так же надоевший аромат ладана, которым пропитана одежда каждого жнеца. От жнецов всегда пахнет ладаном, ходят слухи, будто наши тела сами вырабатывают ладан, что является побочным эффектом магического воздействия на организм и нанесения татуировки, но так это или нет, я не имею ни милейшего понятия. Прохладная вода отгоняла прочь все тревожные мысли, позволяя перевести дух и расслабиться, так что ванну я покинул только через добрую половину часа, отдохнувшим и посвежевшим. В воздухе пахло дикими цветами и полынью. Снова.

– Надеюсь, твое появление в Вингарде не очередная Жатва? Ты же не будешь тут размахивать своим серпом направо и налево? – Артас посмотрел на меня поверх изящного хрустального кубка, который в его широкой ладони казался крохотной игрушкой, – Или будешь? Как тебя вообще занесло в нашу глушь?

– Нет, я здесь не по Церковным делам, не волнуйся. Пытаюсь добраться в Ростальф, вот и все, – пожал плечами я, потянувшись к палочке эшдора, тлеющей прямо на крышке стола, – Спасибо за прием, Артас, но надолго я не задержусь. Просто некогда. Тем более, что у вас и без меня полно дел и забот, учитывая положение в котором находится Маррис. Покину Вингард завтра утром.

Мы сидели за столом в вечернем саду, любясь уходящим за гряды холмов солнцем и потягивая восхитительное красное вино, черпая напиток кубками прямо из огромной старой бочки. Маррис уже отправилась спать, Эва, дочь Артаса так и не появилась на глаза, хотя появление нового человека в Вингарде всегда воспринимается детьми, как большое событие. Утомительная жара спала, уступив место благословенной прохладе, на опрокинутом сапфировом небосклоне вспыхивали первые искорки звезд, кузнечики рьяно стрекотали в высокой траве, а тихий ветер насвистывал атональный мотив в кронах деревьев. После раскаленного дня, наступивший покой казался нереальным, почти фантастичным, Аинарде больше не напоминал средневековый ад. Я выпил вино, растягивая удовольствие, и снова наполнил кубок.

– Можешь оставаться в моем доме столько, сколько пожелаешь, – буркнул купец, удобнее устраиваясь на жесткой деревянной скамье, – Я, правда, очень рад твоему появлению. Прости, если это выглядит не так, как должно выглядеть. У меня сейчас голова забита столькими делами и проблемами, что на отдых с друзьями совсем нет времени.

– Что-то случилось? О чем ты?

Артас, и без того, пребывающий в скверном расположении духа, помрачнел еще сильнее. Он протянул руку к палочке эшдора, но в последний момент передумал и глубоко вздохнул:

– Ничего такого, с чем может помочь справиться жнец. Если, конечно, помимо нежити, ты не занимаешься торговлей или врачеванием.

Тон купца мне не понравился. Совсем не понравился. Я прищурился, посмотрел на собеседника с подозрением.

– Нельзя ли говорить понятнее? Напомню, что ты говоришь с рядовым священником, а не бродячим фокусником или философом.

– Нет-нет, не подумай, будтостряслось что-то из ряда вон выходящее. Вингард – самое спокойное место, которое только можно отыскать на этом континенте. Здесь нет ничего, что может решить жнец. Ни воскресших, ни темных магов, ни зловещих предвестий. Жизнь идет своим чередом. Проблемы совсем другого плана, которые должны решать совсем другие люди. Сам понимаешь, Кай, – произнес Артас невесело, – С началом войны, как того и стоило ожидать, начались проблемы с торговлей. С торговлей, с доставкой товаров, с реализацией товара на рынках Аинарде. И не только Аинарде. Все страны сейчас пребывают в некоторых резервациях друг от друга, а те, которые втянуты в конфликт с севером, вообще стремительно идут вниз, в экономическом плане...

– Скажу тебе честно, экономика и политика меня интересуют мало. Давай ближе к делу.
– Можно и так, – согласился Артас покладисто, – Торговля идет на спад. А деньги мне сейчас нужны, как никогда.

– Снова карточные долги? – поинтересовался я с подозрением, на что Артас обиженно фыркнул:

– Вовсе нет. Все намного серьезнее, но давай я буду объяснять все по порядку, если ты обещаешь молчать, и не перебивать мою речь, через каждое слово, своими едкими высказываниями. Хорошо? Тогда слушай. С началом войны, мое ремесло катится к чертям. Слишком мало покупателей, слишком мало заказчиков, слишком мало товара, если, конечно, ты не владец кузницы, или мастер ремесленного цеха. Такого цеха, который сможет дать обмундирование целой армии. Я пробовал вести дела и с западом, и с югом. Пробовал выйти на северные рынки...

– Рискованный шаг. Гавенкаров не любят. И тебе это отлично известно.

Артас с грохотом поставил кубок на край стола.

– А еще, мне отлично известно, что на содержание семьи требуются деньги. И деньги немалые!

– Судя по твоему дому, о бедности речь идти не может, верно?

– Рано или поздно, война докатится и до Вингарда, – промолвил Артас гневно, но уже спокойнее, – И тогда, я буду должен покинуть этот дом, чтобы меня отсюда не вышвырнули северные варвары, предварительно перерезав глотку. Мне, конечно, уже все равно, но мой особняк дорог мне и из сентиментальных побуждений. И все, что в нем есть. Не смотря на баснословную стоимость каждой безделушки. К примеру, этот кубок? Ты знаешь его цену? Полторы тысячи грифонов, если найдешь.

– Напомни мне быть с твоей посудой аккуратнее, – фыркнул я, но кубок поставил на стол, благоразумно отодвинув от края, – У меня такое ощущение, что ты не все мне рассказал. И стараешься избежать основной темы. Нельзя ли подробнее? К чему секретность?

– Нет никакой секретности, – вздохнул Артас, – Есть одна главная проблема.

– И какая же?

– Эва, – бросил купец, и снова потянулся к палочке эшдора под рукой, – Эва больна.

Эти слова дались ему совсем нелегко.

– Хм, сочувствую. Пожалуйста, яснее.

– Она заболела около двух недель назад, – начал Артас, поморщившись. Было видно, что возвращаться к этой теме купец совсем не хочет, но я не счел нужным переводить разговор в новое русло, – Моя девочка слегла в постель от неизвестной нам заразы. Слабость, отсутствие аппетита, жар, бессонница, головные боли...

– Слишком смутные симптомы. Я, конечно, не лекарь, но мне кажется, что они подходят для множества болезней. Есть какие-то отличительные черты?

Артас повертел в пальцах палочку эшдора, но так и не закурил, задумчиво постукивая мундштуком по деревянной крышке стола.

– Никаких, – бросил он, наконец, – Не за что даже зацепиться. Знаешь, изначально я опасался, что это серая гниль или алый кашель – некогда эти две чумы ходили по улицам Вингарда, но теперь понимаю, что это с выводами поспешил. И слава Старым Богам, что это так. Не так страшно и фатально, конечно, но ситуацию это не исправляет. Маррис не знает, что делать. Я – бессилён. Эва тает на глазах. Сперва жаловалась на слабость и головные боли. Неделю тому назад почти перестала есть, а теперь даже и не встает с кровати. Почти все время спит. Видел бы ты ее, Кай, бледная, как смерть и хрупкая, как щепка. Моя дочь гибнет у меня на глазах, а я никак не могу ей помочь.

– А что на счет местных лекарей и колдунов? В каждом городе или деревне обязан находиться чародей-резидент, отвечающий за свою вотчину перед аристократией. Волшебное вра-

чевание – как раз их профиль. Должен же быть в вашем поселении, какой-никакой заваливший маг, способный исцелить хворь, да срастить пару-тройку костей?

– Нашего мага-резидента не стало уже месяц назад, – сухо констатировал Артас, посмотрев на меня поверх кубка, – И все благодаря твоей Церкви. Один из твоих собратьев-жнецов порезал его на ремни. Конечно, у него было необходимое разрешение от Ордена, но потери это никак не восполняет. А, следовательно, некому заниматься такими делами, как защита и исцеление. Знаешь, однажды, я застал этого чертового чародея, когда он протягивал моей Эве, на прогулке, какое-то яблоко, что-то рассказывая о магии. Всегда был затворником, а потом возник, что бы мою дочь... Да он извращенец, которому самое место в могиле! Понимаешь?

– Да уж. В незавидное положение ты угодил. А что на счет бродячих чародеев и лекарей? Насколько мне известно, с началом войны, их стало столько, что по дорогам они ходят едва ли не толпами, а...

– А толку от них ни на грош! – рявкнул Артас гневно, хватив драгоценным кубком по столу, – Когда Эва заболела, а никакая сила не могла ей помочь, я обещал любые деньги тому, кто поставит моего ребенка на ноги. И в Вингард начал сползаться разномастный сброд, заинтересованный манящей возможностью получить легкие деньги. Можно было заграбастать целое состояние, надув щеки от важности и рассказывая сказки о чудодейственной силе, которая непременно исцелит любое увечье. Были здесь и чумные доктора, и напыщенные маги с колпаками, и даже пара-тройка блаженных, которые клялись в своей божественной силе. Знаешь, сколько из них было шарлатанов?

– Думается мне, половина.

– Нет, шарлатанами были все. Видел дорожный указатель на повороте к Вингарду? Я приказал прибить его после последнего случая, когда какой-то шамкающий идиот с плешиевой головой, пытался напоить Эву каким-то жутким варевом издохлых крыс и грибов, утверждая, что это ее непременно исцелит. Помнится мне, он клялся, что этот рецепт эликсира, ему нашептали боги во сне, но я думаю, что он просто сумасшедший сукин сын. Я прижег ему пятки на жаровне, а заодно напоил его же отваром из крыс его самого. Исцеления это ему не принесло, кстати, а вот ума он заработал столько, что сразу же отказался от своих бредовых задумок, – заметил он, будто между прочим, перекидывая эшдор из ладони в ладонь, – Знаешь, Кай, сколько я потратил денег на всех этих шарлатанов? Этой суммы хватило бы на небольшое поместье к югу от Бранальска и пожизненное содержание всего вороха слуг и маленького гарнизона стражи. Ты должен меня понять, когда твой ребенок серьезно болен, а кто-то уверяет тебя в том, что непременно исцелит его, то здесь уже не приходится считать деньги. Да что там, я бы и этот дом отдал тому, кто выполнит обещание, не то, что переплатил бы пару тысяч золотых. Словом, тут было много людей, Кай. А пользы в них небыло.

– И что? Неужели все оказались обманщиками? Ты не преувеличиваешь?

– Ладно. Твоя правда. Не все, – вздохнул Артас, с трудом признавая свою неправоту, – Были и приличные люди. Два доктора и один маг, выпускник какой-то там семинарии. Они не строили из себя новых мессий медицины, сделали все, что было в их силах, но что толку? Эве они все равно не смогли помочь. Развели руками и откланялись. Впрочем, как и все остальные. Марриса настояла на том, чтобы везти Эву в Ростальф или Эрмивальд, но как назло, в наших краях объявились какие-то ублюдки, грабящие караваны и проезжающие мимо экипажи. А где, я в этой дыре, найду надежных людей, которые защитят меня и мою дочь в дороге?

– Но ты же отправляешь товары... И встречаешь торговые обозы.

– Обозы, которые, отправляются всегда с группой наемников. А где мне найти наемников сейчас? Вингард – никакой не военный гарнизон. Нет, Кай. Я не могу рисковать так сильно. Если уж рынок и научил меня чему-то, то это осторожности и осмотрительности. К тому же, Эва плохо переносит поездки. Сейчас, когда она постоянно в постели, ее вообще стараемся не беспокоить лишним раз. Знаешь, Кай, Эва теперь занялась рисованием. Картинки заменяют

ей жизнь, за пределами ее комнаты. Ты видел ее рисунки на стене в передней зале? Я купил самые лучшие бумаги. Самые лучшие краски...

– Художники используют холсты, а не гербовые бумаги, кстати говоря. Хотя суть не в этом. Твоя дочь больна, а ты боишься отправляться в город. Послушай, но ведь это не решение проблемы. Есть какие-то мысли, идеи на этот счет?

– Есть, – вздохнул торговец, зачерпнув кубком вино, – Учитывая, что дальняя дорога может обернуться для Эвы, для моей доченьки, – он замолк, подбирая слова, – Обернуться очень печально, я ищу другие варианты. Недалеко от Вингарда, в половине дня пути к западу, живет на берегу реки Серебряной пряжи, одинокий отшельник. Я слабо верю в божественное прозрение и прочую религиозную чушь, но выбора у меня почти нет. Мои люди навели справки и кое-что узнали. Я немало слышал о том, что этот старец творит чудеса, исцеляет от ран и болезней, спасает жизни и души. Не то просто сумасшедший, не то маг-отщепенец, возлюбивший природу. Завтра я отправляю отряд своих ребят, из числа личной охраны на его поиски. Я хочу, чтобы они доставили этого друида сюда, чего бы это ни стоило. Отдам за это любые деньги.

Я поджал губы, поигрывая в ладони тяжелым кубком.

– Не лучшее начало для сотрудничества. Друиды терпеть не могут насилия...

– А я терпеть не могу друидов, но мне приходится это делать, – хмыкнул Артас, гневно посмотрев на меня, – А так же ненавижу тех, кто пытается обвести меня вокруг пальца. Я, может быть, жесток, но справедлив. Если этот старый идиот сможет помочь Эве, я награжу его так щедро, как не награждают короли, и отпущу на все четыре стороны. А если нет... значит все эти истории о его чудесах – полная ложь. И, чтобы не вводить других людей в заблуждение, я его приблю. А после... а после повезу Эву в Ростальф. Сам. Один, – он жадно осушил кубок и тяжело вздохнул, – Впрочем, второй вариант мне кажется более вероятным.

– Довольно крутой поворот, – заметил я, мысленно согласившись с Артасом в его последнем предположении, – Что же, если так, то есть еще один вариант развития событий, который может принести кое-какие плоды. Я завтра утром покидаю Вингард, ибо до Ростальфа мне нужно добраться в самый короткий срок. И в город я приеду намного раньше твоих людей, или тебя самого, если с друидом ничего не выйдет. Нельзя терять время зря. У меня есть знакомые. У меня протекция Ордена и Бумаги жнеца. Я смогу отправить в твоё поселение целый отряд лекарей и магов всех мастей, стоит мне только намекнуть в резиденции Ростальфа о факте неизвестной болезни, вспыхнувшей в деревеньке поблизости. Это может помочь, но только представь, как это отразится на всем этом поселении, да и на твоей торговле в целом?

– Плевал я на эту торговлю, Кайетан, – фыркнул Артас, махнув рукой, – Да и на поселение мне плевать, когда дело касается моей единственной дочери... Единственная главная обязанность отца перед своими детьми – это обязанность защитить их от любой опасности, будь то нападение зверя, насилие или неизвестная хворь. Маррис ждет ребенка, поэтому я хочу огородить ее от всевозможных проблем, связанных с заболеванием Эвы. Насколько это возможно, – добавил он, но уже менее уверенно.

– Похвальное стремление. Именно поэтому, я нахожу свою идею наилучшим вариантом. Прости, но квалифицированным медикам я доверяю значительно больше, чем сумасшедшим старикам – друидам, которые водят дружбу с деревьями и разговаривают с небесами. Я, довольно, скептичен в этом отношении.

Артас посмотрел на меня, тряхнул тяжелой головой.

– В таком случае, я буду твоим должником по гроб жизни, Кай, – проговорил он хрипло, – Если ты сделаешь это, я дам тебе столько золота, сколько ты захочешь. Или нет. Я могу подарить тебе поместье. Или целую деревню. Или таверну. Или бордель. Хочешь свой собственный бордель?

Вино настроило моего друга на философский лад. Пора было переводить разговор в нужное русло, если я хотел хоть что-то узнать. Я зачерпнул кубком из бочки.

– Мне не нужен собственный бордель. Да и благодарить меня еще рано. Но мне нужна информация, если ты хочешь помочь. Думается мне, это как раз входит в сферу твоих занятий, верно?

– Информация? Какого рода? У меня, конечно, есть связи...

– Мелочь. Но очень важная. Слушай внимательно. Все, что меня интересует, связано с юной златоглазой девушкой – жнецом и двенадцатью крохотными сферами из звездного стекла, что именуют Жемчужинами Слез, – удостоверившись, что Артас услышал, понял и вник, я немного понизил голос, отчего-то зазвеневший холодным металлом, – Мне нужно знать о них все. Не перебивай, пожалуйста. Дай мне договорить. Твои связи позволяют тебе заглянуть едва ли не богам за пазуху, так что, такая безделица не составит труда, правда? Запомни, Артас, девушка и двенадцать сфер. Слышишь меня? Сейчас я расскажу тебе подробности...

Артас слушал, и не перебивая до самого конца.

4

За несколько часов до рассвета я проснулся от собственного крика, весь в холодном поту, после привидевшегося мне очередного кошмара. Одеяло было смято, подушка сползла на пол, простыня сбита на угол кровати. Давненько сны не заставляли меня так помучиться. Всему виною те события в Мортруде. А может быть, я просто нездоров. Нужно будет пройти тот курс магического лечения в Эрмивальде, о котором упоминала Илигрид, во время нашей последней встречи. Как она там говорила? «Кошмарные сны не приходят просто так. Кто-то хочет, чтобы ты их видел». Конечно, это полный бред. Просто игры подсознания, да и покажите мне хотя бы одного жнеца, который бы спокойно спал, после всех этих блужданий по кладбищам, урочищам и руинам, вырезая серпом живых и мертвых. Что-то я не слышал о таких, как и о жнецах, что дожили до счастливой глубокой старости, в окружении детей и внуков. Несколько мгновений я приходил в себя, собирая по осколкам моменты сна, стараясь успокоиться и восстановить дыхание, после чего провел по лицу ладонью, встряхнулся и осторожно спустил ноги с кровати. Спать уже точно небыло ни малейшего желания.

Прохладный ночной ветер, пробирающийся в приоткрытое окно, действовал отрезвляюще, так что от сонливости и рассеянности, через короткое время, уже не осталось и следа. Они исчезли, оставив во рту горьковатый привкус и отвратительное чувство пресыщенности. В темноте я приблизился к окну, потянул деревянную раму вверх, впуская в комнату ночную свежесть и серебристые пряди лунного света. Ночь дышала тишиной и спокойствием. Даже кузнечиков небыло слышно. Вингард безмятежно спал.

Сон, который пришел ко мне в этот раз, я видел впервые. Я снова был в окрестностях Мортруда, снова бежал через горы тающего снега и реки черной воды, петляя между высоких умерших деревьев, у которых не существовало ни ветвей, ни крон. Дорога под ногами дрожала и извивалась, то расширяясь до самого горизонта, то смыкаясь до размеров игольного ушка. Прямо над головой, седыми клубами катилось грязное осеннее небо. Я не знал, как снова оказался в этом месте, в это самое время, но отчетливо помнил, что мне нужно торопиться, чтобы помочь Кларисс и жнецам, попавшим в смертельную ловушку. Хрупкий силуэт Кларисс то и дело мелькал между деревьев, но я никак не мог ее догнать. Окрикнуть ее я тоже не сумел, ибо рот оказался заштопан суровой ниткой, прямо через края. Боли я не ощущал, но ужас сковывал каждое мое движение.

Следом за мною кто-то шел. Неслышно, но неотвратно и уверенно. Сомнений быть не могло. Я знал, что если обернусь, то снова увижу нечеловечески прекрасное лицо беловолосой златоглазой девушки, достойное стать иконой красоты и гармонии. Я не хотел смотреть назад. Непобедимый недостижимый Ангел смерти снова не желал отступать. Дальше была кровь и грязь. Дальше опять была бесконечная дорога. Что-то гигантское гротескное темное холодом дышало мне в спину. Я не оглядывался, но чувствовал его приближение всем своим существом. Силуэт Кларисс таял на глазах, как столб дыма. Еще немного. Еще шаг и я смог бы догнать ее...

Нет, жнец. Ты опоздал. Как и тогда.

Поздно.

– Поздно, – тихо повторил я сам себе, прижавшись лбом к холодному стеклу. Всегда поздно менять прошлое, даже во сне. Двенадцать магических сфер, убийца с церковным кинжалом, Мортруд, Кларисс, сны – все это превращалось в настоящий навязчивый бред. Необходим отдых, необходимо лечение. Нужно отвлечься, если не удастся уснуть. Что там делают родители, когда их ребенок увидит кошмар? Поют колыбельную? Читают сказку? Успокаивают? Впрочем, откуда мне знать?

У жнецов не бывает родителей. В Орден попадают те дети, чьи родители, по воле судьбы, были убиты жнецами, имена которых оказались в списке Жатвы. Церковь Атеизма придумала

на удивление простой безотказно работающий механизм, позволяющий вершить свои дела, при этом ссылаясь на гуманность и основываясь на логике, подкрепленной поддержкой общест-венности. Церковь заботится о сиротах, которые стали сиротами по ее же милости. Никто из нас не хотел быть жнецом, контролером, правдоносцем или уравниателем. Нас вынудили ими стать. Те, кто подходит в ученики по возрасту, по физическим и умственным способно-стям, отправляются вместе со священниками в Вельберг, где архонты и менторы начинают тренировки и занятия. Те, кто убил твоих родных, становятся твоей новой семьей. Какая иро-ния! Таков негласный закон. Так соблюдается равновесие. Новобранцев учат истории, магии, боевым искусствам и прочим прелестям церковных наук нашего времени, выбивают из них мысли о доме, вырезают жалость и милосердие, вплавляют истинную веру ни во что, превозно-сят ненависть и хладнокровие, отсекают страх, чтобы получить новое очеловеченное оружие, такое же холодное и смертоносное, как серп или коса. Мы перестаем бояться монстров в тем-ноте, под кроватью, как только понимаем, что эти монстры живут в нас самих. Из тех, кто мог бы стать величайшим художником своего времени, или именитым ученым, или известным на весь свет чародеем, вылепляют новых, угодных церкви людей. Делают убийц и ликвидаторов последствий чужой глупости, совершенной четыре сотни лет назад. Остальным сиротам, кото-рым не выпало сомнительное счастье оказаться достойными славного звания Жнеца, лежит дорога в детские и работные дома. До них уже никому нет дела.

Впрочем, это ночные блуждания навевают на меня подобные философские размышле-ния. Нужно пройтись. Что-то совсем душно в этих четырех стенах.

Я натянул одежду, ограничившись короткими штанами и рубахой, взял палочку эшдора, и осторожно, стараясь не шуметь отправился на улицу. Нужно было отвлечься и поразмыслить, так что сад подходил для этого, как нельзя лучше. Коридор и несколько поворотов. Однако, ни одному мне не спалось в эту ночь. В гулкой тишине захлебывался кашлем ребенок. «Эва» – подумал я, проходя мимо закрытой двери детской. Из-за нее слышались два голоса. Тяжелый и грудной принадлежал Артасу, тонкий слабый и едва различимый – его дочери. Голос отца звучал успокаивающе: похоже, Артас не отходил от постели ребенка всю ночь. Видимо, дело обретает совсем скверный оборот. Я не собирался беспокоить Эву, поэтому быстро прошмыг-нул мимо, не желая разбудить никого из прислуги, или помешать спать Маррис, и выбрался на улицу, как в царство темноты, лунного света, и дурманящего запаха цветов.

Но все же, моим планам не суждено было сбыться. Маррис не спала. Тонкая и хрупкая, она устало прижималась спиной к перилам беседки, тоскливо смотря на гаснущие звезды. Мне показалось, или я увидел слезы в ее глазах?

Она обернулась на звук моих шагов нервно и резко, словно ожидала удара в спину.

– А, это ты, Кай... Прости, если мы тебя разбудили.

– О чем это ты? Просто что-то не спится. Я не хотел мешать.

От той женщины, которая встречала меня сегодня днем, в своем шикарном поместье теперь не осталось и следа. Тоска и волнение исказили ее капризное лицо, а движения были скованными и нетвердыми. Переживания накладывают свой отпечаток и на более сильных людей. Маррис поджала губы, вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Никому сегодня не спится, – произнесла она дрогнувшим голосом, и немного позже добавила, – Эве стало хуже. Намного хуже. Артас уже отправил за лекарями троих своих дове-ренных людей. Они уехали на поиски одного целителя... Артас говорил тебе о нем? Но я боюсь одного, Кай. Я боюсь, что они не успеют. Будет слишком поздно.

«Поздно, – повторил я про себя, – Как же я ненавижу это слово»

– Все настолько фатально? Неужели ничего нельзя сделать?

– Нет, Кай... Почти ничего, – проронила Маррис, стараясь не смотреть мне в глаза, словно стыдясь собственного бессилия, – Эву спасет только чудо. А чудес нам ждать неоткуда.

Слова несчастной матери почему-то пробудили во мне гнев, вместо сочувствия и жалости.

– Я не слишком-то верю в чудеса, и тебе, с Артасом, советую того же, – сухо сказал я, стараясь, чтобы мои слова не прозвучали слишком резко. Будучи равнодушным к чужим горестям, я не мог не признаться сам себе, что беда Артаса и Маррис действительно тронула меня, – Необходимо действовать самим, а не ждать чудесного избавления. Лекарство для Эвы никто вам не принесет, если сидеть сложа руки. Так, что давай займемся делом. Послушай, Маррис, мне нужен конь, письмо, с подробным описанием произошедшего, свободная дорога и открытые ворота, так что предупредите стражников о том, что я покидаю Вингард. До Ростольфа не слишком далеко, поэтому надеюсь достичь города к середине или концу дня – зависит от того, что собой представляет эта ваша дорога, а как мне кажется, представляет она собой плацдарм для мародеров, грабителей и воров всех мастей, которых у вас здесь именуют солдатами. Если никаких вестей от меня не будет к концу завтрашнего дня, тогда действуйте сами. Пусть Артас собирает отряд и выдвигается в город. Я, конечно, надеюсь, что до этого не дойдет, но нужно быть готовыми к любым развитиям событий.

Легкая улыбка тронула тонкие губы Маррис.

– Спасибо Кай, – ее голосом можно было порезаться – настолько тонким и хрупким он был, – Спасибо за помощь. Спасибо за то, что ты делаешь...

– Перестань. Должен же я отплатить вам за гостеприимство, – фыркнул я, искренне радуясь, что в ночной темноте Маррис никак не может рассмотреть выражения моего лица.

5

Ночь унесла духоту, похитила легкий ветер и спрятала чистое небо в обрывках серых облаков. Наутро пришли тишина, прохлада, горький аромат полыни и густой белый туман, стелющийся по земле рваной кружевной завесой. Туман клубился у ворот Вингарда, осторожно заглядывал в окна особняков и древних хижин, струился в открытые двери, нежно оплетал флагштоки и шпильки, скользил по высокой сочной траве бескрайних полей и лугов. Белая пелена была настолько плотной и густой, что на расстоянии трех шагов, все тонуло в непроглядных молочных сумерках, в которых любой силуэт или случайная фигура, теряли свои истинные формы и цвета. Озадаченные поселенцы зажигали масляные фонари, и палили факелы, тщетно пытаясь бороться с неожиданным природным явлением, но туман был еще более упорным.

Я отвязывал поводья пегого скакуна, которого мне выделил Артас для пути в Ростальф, уже на заре следующего дня, после беседы в вечернем саду, хмуро поглядывая на тяжелое серое небо, в котором не было ни следа от вчерашней лазурной синевы. Тусклый шар солнца с трудом угадывался через мутную пелену белесого тумана где-то у линии горизонта, а близлежащие холмы, теперь едва различимые с возвышения, утопали в молочной дымке, словно в густом потоке.

Сонный конюх, зябко ежившейся у дверей конюшни, смотрел с одинаковой неприязнью и на меня, как на незваного гостя; и на брыкающегося коня; и на Артаса, поднявшего бедолагу в такой ранний час; и на недопитую бутылку водки, от которой его мучило дикое похмелье. Лицо его, даже смазанное туманом, выглядело очень скверно.

Артас недовольно таращился на небо, сложив руки на груди, расхаживал по земляному утопанному полу, мерил шагами расстояние между стенами, бормоча себе под нос ругательства и проклятья. Маррис задремала на рассвете, прямо в беседке, после чего Артас на руках перенес ее в дом, Эва уснула немного раньше, утомившись от тяжелой ночи и лишившись последних сил. Шансов на удачный исход в этой истории, как я отметил для себя, было мало. Даже слишком мало.

– Трое этих идиотов вернулись назад, через час, Кай, – говорил он уже в десятый раз, гневно потрясая кулаками, – Вернулись в Вингард, потому, что не смогли пересечь полосу тумана! Один из них, которого я по глупости своей, поставил в их группе за главного, вообще несет полный бред. Он утверждает, что они поскакали из этого поселения в назначенный час, углубились в этот чертов туман, что окутал все кругом, и набрали на дорогу к побережью. Все, как и было задумано! Им оставалось только скакать вперед и найти этого проклятого друида. Ганрул их разорви, тракт всего один, они не могли заблудиться или неверно выбрать направление! А ты знаешь, что произошло потом? Спустия некоторое время, дорога привела их обратно в Вингард! Они скакали вперед час. Час! Но не двинулись с места, дальше ворот! Что это за бред? Как им можно верить?

Я бы смог понять, если бы они потеряли направление в тумане единожды. Я человек простой, ничто человеческое мне не чуждо, но они вернулись домой и в следующий раз, когда я приказал им повторить попытку! Они снова не уехали дальше околицы! Я клянусь тебе, они исчезли в тумане, за воротами, и почти в тот же миг прискакали обратно, заявив, что они провели в седле не меньше трех часов! Это же издевательство!

Конюх поморщился от мигрени, вызванной гневными воплями своего хозяина, я же только покосился на Артаса, затягивая подпругу.

– Затем я отправил в туман местных охотников, – продолжал торговец сухо, отбивая кулаком по ладони аккомпанемент собственным словам, – К ним у меня доверия больше, ибо с этими людьми, я работал уже ни один раз. Я отправил их на разведку. Простая вылазка, лег-

кая прогулка. Небольшая группа из пятерых лучников, ободренные возможностью заработать десяток монет, ушла в туман, сразу после того, как возвратились всадники. Я это видел своими глазами. Понимаешь, Кай, они ушли в туман, а через несколько минут вернулись обратно. Они не смогли найти дорогу вовсе. И, говорят, провели, блуждая в тумане, несколько часов, пока опять не вышли к Вингарду. Что за сговор? Что за обман? В подобную мистику я не верю, а вот в человеческую подлость – вполне. Я снесу им всем головы, честное слово.

Я выглянул на улицу, посмотрел на смутно угадывающиеся в тумане деревенские ворота, пожал плечами.

– Не имею понятия, как такое могло произойти. Единственное, что приходит на ум – каким-то образом, твои люди элементарно заблудились в тумане и повернули назад. А если это шутка, то шутка затянувшаяся и несмешная. Согласен, звучит странно и малоубедительно, но ничего больше из разумного и рационального я предположить не могу. Хотя, в их защиту, я отмечу то, что туман, и вправду... странный. Взгляни сам. Слишком густой, слишком плотный. Слишком... неожиданный.

Артас помрачнел лицом, сплюнул себе под ноги.

– И ты туда же? Ты у нас жнец, ты у нас маг. Я, конечно, во всех этих чародейских штуках не понимаю вообще ничего, но это самый обычный туман, – протестующе заявил он, махнув рукой, – Обычные неприятности дрянной погоды. Туман не может менять пути и превращать дороги в петли. Здесь нет магии или мистики, а есть толпа идиотов, которая ничего не могут сделать правильно. Ну, и пусть, – добавил он злобно, – Я им еще покажу.

Я накинул седельные сумки, прислушиваясь к словам друга, пристегнул ножны, поправил удила. Жеребец отчаянно заржал, пытаясь высвободиться, но вырваться не стал. Я потрепал его за гриву, снова посмотрел на Артаса.

– Я не собираюсь торопить события и делать выводы, пока сам не увижу, что собой представляет на самом деле эта туманная завеса. Если я не вернусь в поселок, значит, твои люди лгали тебе в глаза, и можешь поступать с ними по всей справедливости. Еще, тогда смело можешь со дня на день ожидать прибытия врачебного экипажа, который приедет из города.

Артас довольно кивнул головой.

– Наконец-то я слышу разумные слова. Я уже думал, что здесь все с ума посходили...

Я развел руками, прерывая его очередную тираду.

– Что толку теперь лить слезы? Терять время, подыскивая новый вариант – скверная затея. Отправляй в дорогу других людей, или подожди, пока я пришлю из Ростальфа помощь, вот и все. Мистика, обычный туман, или какие-то каверзы природы, нам это пока не понять все равно, а проблемы Эвы нужно решать в любом случае, да и мне необходимо отправляться в дорогу. Ах, да, пока не забыл, – добавил я напоследок, и обернулся к купцу через плечо, – Если твои люди не солгали тебе, и туман, вправду, не позволяет уехать из Вингарда, я невольно вернусь назад, чтобы рассказать тебе об этом. Тогда и будем решать эту новую проблему, хорошо? Не перебивай меня, пожалуйста, и не волнуйся. Ждать придется недолго. Не знаю, что происходит там, за этой пеленой, но для тебя времени пройдет совсем немного. Думаю, эта вылазка уложится всего лишь в несколько минут.

6

Туман был кругом. Липкий, холодный, тусклый, напоминающий комья мокрой перины, которую какой-то неряшливый великан швырял с небес на землю, чтобы запачкать всю долину. Молочная пелена клубилась по серым камням пыльной дороги, скатывалась с ветвей деревьев в траву, рваной паутиной свешивалась с трав и кустов на самую землю. Глухая влажная тишина скрадывала каждый звук, видимость была отвратительной, вязкий, как настоящая трясина, туман был везде, превращая поля и холмы в зыбкое болото. Тусклый силуэт Высокого Вингарда таял за спиной, как нелепый сон. Некоторое время можно было еще различить смазанные огоньки факелов и светильников, горящих на городских воротах, но потом, пропали и они, погрязнув в сплошной пелене через десяток крайнов. Туман медленно, но верно побеждал.

Я выехал из поселения не более нескольких минут назад, разгоняя туман ослепительно белым светом магического светильника, который не раз выручал меня из различных переделок в подземельях, могильниках и мавзолеях, прислушиваясь к вязкой тишине и стараясь разглядеть что-либо в этой молочной мешанине. Старался я напрасно. Туман было так легко не побороть.

Конь ступал осторожно, неспешно, прятал уши, ржал, брыкался, стараясь повернуть назад, всем своим видом демонстрируя страх и тревогу, причину которой я никак не мог установить. Обычно, животные подобным образом реагируют на присутствие немертвых или близкое применение какой-либо магии, но в этом захолустье не было ни одного ни другого, как я мог определить, ориентируясь по натальной татуировке. Ни галеамов, ни колдовства, ничего из ряда вон выходящего для небольшой деревеньки, за исключением пелены бесконечного густого тумана, окольцевавшего ее со всех возможных сторон.

Я прислушивался к тишине, но не смог различить даже звука собственного дыхания. Напуганное ржание коня, звучало как через вату.

– Это просто туман, – сказал я больше для самого себя, потрепав скакуна за гриву, – Нет никакой опасности. Просто туман. Густой. Оглушающий. Вязкий отвратительный ненормальный туман. Больше – ничего необычного.

Мой скакун был с этим утверждением явно не согласен. Да и я сам слабо верил в свои собственные слова. Обычный туман не хлопает под копытами лошади, не забивается в глотку, как липкий снег, не затекает слизью за шиворот дорожной куртки. Я в сотый раз прислушался к собственным ощущениям, потянулся к сумке с магическими печатями. Дорого же я отдал бы сейчас за несколько чародеев из ордена Уравнителей, которые занимаются устранением последствий случайно или нарочно наложенных заклинаний и вызванных чар. Впрочем, сейчас об этом не приходилось даже мечтать – все мысли занимала только едва различимая дорога где-то в молочной реке у земли. Я не позволил себе усомниться в правильности пути, но и полностью полагаться на свои знания и память было бы тоже непростительной ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.